

Гу Сяньйюй был пойман своей девушкой с поличным прямо на месте измены.

Но на самом деле его действительно подставили, и началось всё с бокала вина, преподнесенного бывшей девушкой.

Получив анонимное сообщение, нынешняя девушка сразу же примчалась в отель.

На самом Гу Сяньйюе почти не осталось одежды — её почти сорвали.

Гу Сяньйюй раскаивался до смерти. Он схватил девушку за руку и попытался изобразить, будто готов заплакать:

— Вэнь-Вэнь~

Женщина высокого роста безжалостно выдернула свою руку. В её глазах не было и намёка на скрываемое отвращение, словно она в один миг разглядела истинное лицо человека, стоящего перед ней.

— Гу Сяньйюй, до чего же ты противен!

Гу Сяньйюй, который изначально собирался нагло и бесстыдно повиснуть у неё на шее, почувствовал, как у него внутри всё похолодало, и вдобавок ощутил жгучую обиду.

Но он действительно не хотел расставаться! В конце концов, на этот раз он и вправду собирался остепениться и начать нормальную жизнь с девушкой, которая ему искренне нравилась. Кто же мог подумать, что он потеряет бдительность и попадет в ловушку, устроенную собственной бывшей?

К тому же, он не делал этого по собственной воле!

Он сам жертва!

— Вэнь-Вэнь, я правда понял, что был неправ~ Гу Сяньйюй всё-таки был еще тем бабником, а обладая лицом, способным легко заставить сердце биться чаще, он привык добиваться своего уговорами. — Такого больше никогда не повторится!

В глазах женщины мелькнуло проблеск мягкости, но вовсе не из-за тоски по прежним чувствам — в них читалась лишь горькая, беспомощная тоска. Она подумала о том, с чего ради она вообще в своё время была так самоуверенна и решила, что именно она станет последней женщиной этого бабника?

— Да ты, похоже, успокоишься только тогда, когда станешь евнухом.

Произнеся это, женщина решительно оттолкнула его, с силой выбежала за дверь и захлопнула её за собой.

Гу Сяньюй поморщился от боли, но всё же поспешил следом.

В конце концов, это была единственная женщина, из-за которой у него возникло желание жениться; кто знает, встретит ли он за всю жизнь вторую такую же подходящую.

Он был готов расплакаться от собственной «глубокой преданности».

— Вэнь-Вэнь!

Гу Сяньюй преследовал её до самой проезжей части.

Среди снующего туда-сюда транспорта женщина, спеша отделаться от него и даже не глядя по сторонам, отчаянно рвалась домой, чтобы привести мысли в порядок.

Внезапно в ушах раздался пронзительный визг резких тормозов.

Она ошеломленно обернулась.

Всё вокруг было залито кровью.

Гу Сяньюй очнулся исключительно от жуткой боли, к тому же в нижней части тела ощущался странный ледяной холод.

Открыв глаза, он увидел странно одетого мужчину средних лет, который держал окровавленный нож и небрежно бросал его в медный таз с водой.

— Уносите, давайте быстрее следующего!

Лоб Гу Сяньюя покрылся мелким потом — капли выступили даже на веках и ресницах, отяжелевших настолько, что он едва мог разомкнуть глаза.

Он снова потерял сознание.

Когда он пришел в себя, то, уставившись на незнакомый потолок, подумал: что за чёрт, разве он не должен быть в больнице?

До ушей доносились непрекращающиеся стоны. Попытавшись повернуться на бок, он потревожил рану и от боли невольно сдавленно шикнул.

Впрочем, его движение не привлекло ничьего внимания.

На общей широкой лежанке в комнате семеро или восьмеро мальчишек лет десяти от роду вовсю заливались слезами и оглашали помещение криками.

Как же это надоело!

Чего они режут? О чём тут вообще плавать!

Он посмотрел на резные оконные переплёты, старомодный восьмиугольный стол, чайный столик и расставленные на нем вещицы; его мысли путались, но тут же в мозг лавиной хлынули чужие воспоминания, которым совершенно не полагалось здесь быть.

Тринадцатилетний нищий по имени Гу Сяньюй, тёзка и однофамилец сегодняшнего страдальца, ещё утром умолял мелкого чиновника из внутреннего ведомства распоряжающегося органа позволить ему попасть во дворец и стать евнухом.

Кто бы мог подумать, что как только нож мастера-кастрата из палат очищения опустится, он не выдержит и испустит дух прямо на месте.

Не перенести этот удар — дело обычное; в подобных ситуациях тела просто отвозили на кладбище брошенных трупов. Но вот незадача: это тело занял Гу Сяньюй из двадцать первого века.

Стоило ему протянуть палец под нос — дыхание теплилось, так что его просто притащили сюда.

Разобравшись во всем и осознав свое нынешнее положение, Гу Сяньюй так и остался лежать на кровати, а его зрачки постепенно расширились.

Не успел он впасть в отчаяние, как в комнату вошел главный евнух по имени Ли Дэшунь, а следом за ним — кроткий на вид маленький евнух.

Дети в комнате, один за другим зашевелившись, словно мышата, торопливо вскочили на ноги.

Хотя все они были малы, они понимали, что здесь нельзя вести себя вольготно.

Пусть они еще не знали всех порядков, но сообразили, что послушание — самый верный путь.

Гу Сяньюй, еще не пришедший в себя, в подобной ситуации никак не мог думать о чем-то постороннем: он неподвижно лежал на общей кровати, уставившись глазами в потолок.

Маленький евнух, шедший позади Ли Дэшуна, приподнял веки и криво усмехнулся, подумав, что у этого новенького совсем нет сообразительности.

В таком месте, как дворец, он вряд ли проживет долго.

Ли Дэшунь отнесся к новичку довольно снисходительно и бранить его не стал, лишь слегка и строго кашлянул, чтобы привлечь внимание.

Гу Сяньюй резким движением вскочил, словно рыба-камп, но от резкой боли его нервы судорожно натянулись, и он инстинктивно схватился за больное место.

Это, без сомнения, было способно сломить кого угодно.

Где же яйца?!

Видимо, выражение лица Гу Сяньюя, выражающее крах всего мира, оказалось слишком живым, и Ли Дэшунь даже проникся к нему долей жалости, собираясь уже утешить парня и одновременно немного приструнить, однако...

Гу Сяньюй, шаркаячи, слез с кровати и встал.

Хотя он был тощим, а кожа — грубой, все же было заметно, что среди этой группы детей он выглядел приятнее всех, да и сообразительности ему было не занимать.

Гу Сяньюй не был дураком: пусть обстоятельства и не блистали почетом, но раз уж он умел добиваться расположения стольких девушек, его главным достоинством было умение тонко чувствовать чужие мысли.

Превращение в евнуха — сейчас было явно не время для слез.

Хотя его лицо дрожало от сдерживаемых чувств, а губы подрагивали, являя собой столь жалостливое зрелище, что у любого могло защемиь сердце.

То, что он не плакал, уже можно было считать достижением.

Ли Дэшунь промолчал.

Он и сам не знал, стоит ли хвалить этого ребенка за стойкость.

Ли Дэшунь пришел сюда явно по делу.

Он явился, чтобы вытащить у этих детей белые восковые иглы — это был последний шаг кастрации в евнухи, и по сравнению с самим оскоплением этот этап казался еще более невыносимым.

В тот момент, когда из ребенка по имени Лю Силе, сидевшего рядом с Гу Сяньюем, вытащили восковую иглу, струя мочи хлынула наружу, и брызги даже попали на обувь Гу Сяньюя.

Лицо и глаза Лю Силе покраснели одновременно.

Гу Сяньюй наотрез отказался снимать штаны.

— Уважаемый евнух, я... я сам ее вытащу...

Ли Дэшунь и сам с трудом выносил царивший в комнате запах, к тому же вовсе не обязательно было делать это его руками, да и остался всего один мальчишка, так что он позволил Гу Сяньюю поступить по-своему, развернулся и ушел вместе с младшим евнухом.

Стоило Ли Дэшуню удалиться, как ребенок по имени Чжао Тянь демонстративно и утрированно изобразил рвоту. Другой мальчик, с которым он был ближе знаком, попытался его остановить, но это все равно заставило Лю Силе всхлипнуть и расплатиться слезами, размазывая их по лицу и подзывая маму.

Маму.

Значит, семья продала его во дворец.

Лю Силе оказался на редкость плаксивым: он плакал за едой, плакал, когда пришло время ложиться спать, причем спал он рядом с Гу Сяньюем, так что ревел так громко, что у Гу Сяньюя не осталось и следа для каких-либо меланхоличных мыслей.

<http://bllate.org/book/25139/2989340>